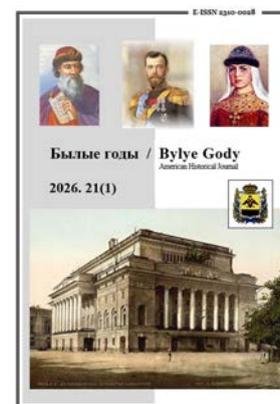


Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 307-317
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.307

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



“The History of My Contemporary” by V.G. Korolenko as a Historical Source for Socio-Political Research on Russia in the second half of the 19th century

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes “The History of My Contemporary” by V.G. Korolenko as a historical source. It is established that Korolenko's observations and conclusions on socio-political phenomena in Russia in the second half of the 19th century coincide with those of his contemporaries and professional historians. Verification of the facts from Korolenko's socio-political autobiography against documentary and analytical literature confirms the objective nature of his narrative and its value as a historical source. The writer's original approach consists in recreating the historical period through his own perception. The article analyzes the factors that shaped the writer's worldview and the origins of his oppositional stance. Korolenko's attitude towards events and phenomena significant for Russian history is considered. In “The History of My Contemporary”, the author addresses such socio-political phenomena as the abolition of serfdom, the Polish Uprising, the education reform, the “Going to the People” movement and the assassination of Alexander II. An important part of the memoirs is the empirical material about Russian revolutionaries and trials against them, as well as the author's analytical conclusions that the state's disproportionate punitive policy was the reason for the terrorist shift in revolutionary activity. Of particular value to researchers is Korolenko's eyewitness account of political exile, its social composition, the daily life and lifestyle of the local population, and the nature of the relationship between the locals and political exiles. The prevailing mood among the Russian intelligentsia and its relationship with the common people are also reflected in Korolenko's memoirs. The range of issues covered, their breadth, and the objective nature of the narrative allow Korolenko's memoirs to be considered a valuable historical source.

Keywords: V.G. Korolenko, Russia, Russian intelligentsia, exile, Russian populists, common people, memoirs, historical source.

1. Введение

Воспоминания, мемуары, записки, письма, позволяющие воссоздать исторические картины прошлого, составляют в качестве источников для исследователей социально-политических аспектов значительную ценность. Документальные произведения не только помогают составить более полное представление об исторических событиях, но и позволяют уловить особенности мировосприятия людей описываемой эпохи. При этом с позиции исторической критики важно учитывать личностные особенности автора воспоминаний, его социальный статус, политические взгляды, этические и эстетические пристрастия и вкусы.

«История моего современника» В. Г. Короленко по характеру изложения описанных в ней событий выходит за традиционные рамки жанра воспоминаний и представляет ценность как исторический источник, иллюстрирующий и конкретизирующий общественно-политическую обстановку в России второй половины XIX в. Сам автор указывал, что он писал не историю своего времени, «а только историю одной жизни в это время», но жизнь эта была настолько богата

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

историческими событиями, пережитыми, глубоко осмысленными и талантливо воспроизведёнными автором, что само её описание может представлять большой исторический интерес. Претендуя на объективный характер своего труда, Короленко отмечал: «Здесь не будет ничего, что не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел» (Короленко, 1985а: 5). По мнению Е. Болдыревой и Е. Астаховой, исследовавших особенности повествовательного стиля писателя, Короленко дистанцируется от своих чувств, используя эффект временного отстранения, и поэтому эмоции передаются им опосредованно (Болдырева, Астахова, 2016: 36). Подобный подход к изложению текста максимально позволяет автору сохранить принцип объективности. Это заключение исследователей согласуется с наблюдением товарища Короленко по ссылке С. Швецова, который отмечал, что «при всем своем активном отношении к окружающему, он все же стоял как бы несколько в стороне от него» (Швецов, 1962: 43).

Руководствуясь чувством социальной ответственности, Короленко умел гармонично сочетать общественную и писательскую деятельность. Создавая «Историю моего современника» в исключительно неблагоприятных условиях семнадцать лет (1905–1921), в которые вошли годы войны и две революции, автор рассматривал свой труд как своеобразный итог пережитого. Нравственно-политическая оценка событий, использование им приёмов публицистического жанра позволяют определить «Историю моего современника» как жанр социально-политического автобиографического романа, имеющего вполне определённую познавательную историческую ценность. Короленко подчёркивал, что в центре его повествования находится «время», показанное через призму личной биографии, поэтому в его книге освещаются лишь факты и мысли, связанные с «общественными мотивами». Подобный подход к освещению событий, основанный на переплетении личного прошлого с историей русского общества является особенно ценным при рассмотрении «Истории моего современника» в качестве исторического источника.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования является «История моего современника» В. Короленко, которая может быть отнесена к социально-политическому типу автобиографического романа (Короленко, 1985а; Короленко, 1985б). Рассуждения Короленко о писателях и общественных деятелях, сыгравших определённую роль в формировании его мировоззрения, нашли своё отражение в его воспоминаниях и очерках (Короленко, 1957; Короленко, 1982). Сравнительный анализ восприятия Короленко общественно-политической ситуации России с её оценкой, данной в воспоминаниях Л. Пантелеева (Пантелеев, 1958), С. Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987), П. Милокова (Милоков, 1990), показывает схожесть их взглядов по многим вопросам развития страны. Особый интерес представляют воспоминания С. Швецова, разделившего заключение с Короленко в политической тюрьме Вышнего Волочка, и Н. Тютчева, отбывавшего ссылку с ним в Амге (Швецов, 1962; Тютчев, 1962). Анализ размышлений Короленко о взаимоотношениях народа и интеллигенции показывает, что они во многом созвучны с мнением выдающегося историка и мыслителя, современника описываемых в книге Короленко событий, Л. Тихомирова (Тихомиров, 2008).

Теоретико-методологический конструкт исследования базируется на сочетании общенаучных и специально-исторических методов. Историко-типологический подход в исследовании «Истории моего современника» как исторического источника позволил выявить как ретроспективную фактологию, так и косвенную информацию, характеризующую автора и эпоху. Метод синтетической критики дал возможность сопоставить сведения мемуаров В. Короленко с данными воспоминаний его современников и другими источниками. Историко-биографический метод применён для анализа роли личностей в общественно-политических процессах России XIX в.

3. Обсуждение

Труд выдающегося русского учёного А. Корнилова даёт возможность сопоставить взгляды профессионального учёного и писателя Короленко на отдельные общественно-политические события, происходившие в России XIX в. (Корнилов, 2004). Учёный и журналист Г.М. Миронов, защитивший диссертацию по теме «Капитализм в творчестве В. Г. Короленко», в своём труде опирается на документы и личный архив писателя (Миронов, 1962). Наблюдения Короленко относительно проявления народом верноподданнических чувств находят своё подтверждение в исследовании Б.Н. Миронова, занимающегося вопросами социального развития России (Миронов, 2014). В монографии Г.А. Бялого содержатся биографические сведения о писателе, проведён литературный анализ его произведений (Бялый, 1949).

Статьи в научных журналах позволяют дополнить и конкретизировать монографический контент. В.В. Блохин в своей статье анализирует особенности общественно-политических взглядов В. Короленко (Блохин, 2010). Влияние жизненного опыта, приобретённого писателем во время сибирской ссылки, и нашедшего отражение в его произведениях, прослеживается в статье Н.С. Тишевской (Тишевская, 2013). Особенности психологии героев «Истории моего современника» посвящена статья Е. С. Савельевой (Савельева, 2008). Оценка В. Короленко политического развития России дана в статье Р.Р. Магомедова (Магомедов, 2011). Особенности повествовательного стиля

«Истории моего современника» рассмотрены в статье Е.М. Болдыревой и Е.А. Астаховой (Болдырева, Астахова, 2016). Статья Ю.Г. Степанова, основанная на объективном подходе к личности и деятельности Нечаева, позволяет сделать вывод о правильности оценки, данной этому общественному деятелю со стороны Короленко (Степанов, 2022). Ряд работ авторов данной статьи посвящён вопросам поиска путей развития страны в интеллигентском дискурсе (Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021), дихотомии народа и интеллигенции (Gryaznukhin et al., 2024), влияния политической ссылки на социокультурное развитие Сибири (Gryaznukhin et al., 2023).

4. Результаты

Согласно семейному преданию, предки Владимира Галактионовича Короленко получили от польских королей гербовое дворянство. Дед и отец писателя были российскими чиновниками. Отец, исполнявший обязанности уездного судьи, отличался честностью и неподкупностью. Крепостными они никогда не владели, соответственно, и отношений с дворянской средой не имели (Короленко, 1985a: 15). В семье Короленко гармонично уживались две культуры – русская и польская. Мать по национальности была полькой. Читать маленький Володя учился по польской азбуке, своё обучение начал в польском пансионе, и первая театральная пьеса, которую он увидел в своей жизни, была тоже польская (Короленко, 1985a: 99). Большая политика коснулась семьи в связи с польским восстанием 1863 г. Изменения в общественно-политической обстановке поставили вопрос определения своей идентичности. Отец объяснил детям, что они русские и отныне должны говорить по-русски (Короленко, 1985a: 103). Осознанное национальное самоопределение у Короленко произошло позже, и определяющую роль в этом сыграла русская словесность; писатель отмечал, что «нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература» (Короленко, 1985a: 288). Особое влияние на будущего писателя оказали статьи Добролюбова, поэзия Некрасова, повести Тургенева. Таким образом, мировоззрение Короленко формировалось под влиянием семейных традиций, личного опыта, прочитанной литературы.

Большую роль в становлении личности Короленко сыграла деятельность лидеров общественного движения, в частности Н.Г. Чернышевского, авторитет которого для писателя был непререкаемым. Считая революционера «крупным человеком», Короленко не раз на протяжении жизни обращался к его наследию. В декабрьской книжке 1909 г. «Русского богатства», одним из руководителей которого являлся Короленко, была напечатана заметка М. Сажина о гражданской казни Чернышевского, состоявшейся 19 мая 1864 г. Событие это писатель оценивал как «поистине символический эпизод из истории русской оппозиционной мысли и русской интеллигенции» (Короленко, 1957: 56). Заметка эта интересна не только представленным фактическим материалом, но и характеристикой отношения различных категорий населения к Чернышевскому. И если в карету, отъезжавшую от эшафота, кем-то из интеллигенции были брошены цветы, то «простой народ, фабричные и вообще рабочие» громко выражали «неодобрение виновнику и его злокозненным умыслам» (Короленко, 1957: 59). О негативном отношении народа к представителям интеллигенции, готовым ради него идти даже на смерть, свидетельствуют факты, изложенные в воспоминаниях Л. Пантелеева. Во время церемонии объявления приговора на Мытной площади сотруднику «Современника» В. Обручеву, «толпа, окружавшая эшафот, выражала зверские желания, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутом, или, по крайней мере, повесили на позорном столбе вниз головой за то, что смел идти против царя» (Пантелеев, 1958: 279). Данные свидетельства показывают, насколько высока была у народа вера в царя в 1860-е гг., и насколько значительным было непонимание между интеллигенцией и народом.

Сравнительный анализ фактического материала, использованного в воспоминаниях, позволяет судить об объективном характере его изложения. Приверженность принципу объективности со стороны Короленко подтверждается и тем, что, несмотря на большую симпатию к Чернышевскому, он понимал, что писатель после ссылки «остался в основных своих взглядах тем же революционером в области мысли, со всеми прежними приемами умственной борьбы» (Короленко, 1982: 411). Короленко справедливо отмечал, что по своим взглядам Чернышевский остался в прошлом времени, не сумев уловить изменений, произошедших в общественно-политической ситуации страны. Не мог он согласиться и с оценкой Чернышевским творчества и общественной деятельности Л. Толстого, которого сам Короленко ценил чрезвычайно высоко, отмечая, что эти два писателя, имея тягу к рационализму, приходят к противоположным выводам (Короленко, 1982: 404). Способность критически воспринимать действительность, осмысленный выбор литературы для чтения способствовали формированию либеральных взглядов писателя, которые стали каркасной основой «Истории моего современника».

Одно из первых воспоминаний Короленко связано с приездом в Житомир в 1858 г. Александра II. Хотя мальчику было всего пять лет, он уловил общую атмосферу, господствовавшую в обществе. Детское восприятие писатель передаёт, давая ему трезвую взрослую оценку, и это позволяет ему дистанцироваться от субъективной чувственности, переходя к объективной рациональности. Всё общество глухой провинции из-за отсутствия газет занимали тогда тревожные слухи, толки, догадки о предстоящем освобождении крестьян (Короленко, 1985a: 65). Недостаток

информации о готовящейся реформе порождал неуверенность, тревогу и беспокойство (Короленко, 1985а: 243). Короленко описывает случай, свидетелем которого он был. К их соседке, помещице Коляновской, которая слыла барыней доброй и земли у её крестьян было достаточно, мужики пришли из деревни просить, «чтобы их оставили по-старому»: «мы ваши, а вы наши», заявили они (Короленко, 1985а: 75). Для объявления манифеста в город были «согнаны» представители от крестьян. А так как «прошел зловещий слух: пань взяли верх у царя, и никакой опять свободы не будет» (Короленко, 1985а: 84), то местные власти, опасаясь реакции народа, в день торжества в городе выстроили войска. Позже, когда Короленко на каникулах из Ровно приехал к дяде в деревню Гарный Луг, он столкнулся с тем, что крепостное право там «дошло до явной нелепости». Поместное сословие множилось, но разорялось, некоторые помещики владели одной-двумя душами (Короленко, 1985а: 221). Впечатления юного Короленко вполне созвучны с оценкой общественной жизни перед реформой, данной в воспоминаниях Л. Пантелеева. Попав на летних каникулах в деревню к помещикам Одинцовым, людям образованным, знающим несколько языков, он столкнулся с тем, что крепостных они за людей не считают, полагают, что крепостное право является «божественным учреждением», а хозяйка поместья искренне сомневалась, «есть ли у крепостных душа» (Пантелеев, 1958: 99). Либеральная общественность реформу ждала с нетерпением, к которому, однако, «присоединился вечный страх за ее судьбу, боязнь, чтобы силы, враждебные ей, не взяли верх» (Пантелеев, 1958: 165).

Ещё одно воспоминание из детства писателя связано с польским восстанием. Не вдаваясь в подробности его хода, Короленко достоверно передаёт общественную атмосферу того времени. Он отмечал, что «первое время настроение польского общества было приподнятое и бодрое. Говорили о победах» (Короленко, 1985а: 112). Затем «место возбуждения заняло разочарование» (Короленко, 1985а: 117). В знак солидарности с потерпевшими поражение повстанцами дамы стали носить чёрные платья. В город были присланы войска и объявлено военное положение (Короленко, 1985а: 107). Последствия восстания затронули и лично Короленко. Обострение национального вопроса привело к тому, что он лишился друга из-за того, что он русский, а друг – поляк. После восстания начались аресты, доносы, суды, конфискации.

Воспоминания Короленко о годах своего обучения дают представление о российской системе образования второй половины XIX в. В 1863 г. он поступил в Житомирскую гимназию. В Киевском округе попечитель Н. Пирогов, которого в его инициативе поддержал Добролюбов, выступил с рядом статей о запрещении применения розги в качестве наказания для учеников. Но смог он добиться лишь некоторого ограничения в их применении (Короленко, 1985а: 127). Большой резонанс в обществе вызвала реформа графа Д. Толстого, в результате которой был закрыт доступ в университет «кухаркиным детям», циркуляр о которых появился в 1887 г., что вызвало чувство повсеместного негодования. Общую тенденцию в образовательной системе Короленко характеризовал словами: «Жестокий, тусклый режим школы» (Короленко, 1985а: 295). Запрещены были внеклассные собрания, рефераты, инициатива преподавателя сковывалась рамками казённой программы. По мнению Кравчинского, граф Толстой предпринял ряд мер, «варварство и цинизм которых трудно было бы превзойти» (Степняк-Кравчинский, 1987: 228). Между студенческой молодёжью и представителями власти велась постоянная настоящая война то в явной, то в более скрытой форме. В 1871 г. Короленко поступил в Технологический институт, в 1873 г. перешёл в Петровскую академию, с которой был связан новый период его жизни. Согласно уставу академии, лекции мог слушать каждый желающий, переходных экзаменов с курса на курс не было, сдавался только выпускной экзамен для получения диплома. Но веяния эпохи нашли отражение в уставе, который был изменён, так как считался слишком либеральным (Короленко, 1985а: 468). События общественной жизни не проходили стороной мимо слушателей академии, где, например, активно обсуждали дело Нечаева. По общему мнению студентов, убитый нечаевцами Иванов был прекрасным человеком, который не собирался доносить, а Нечаев хотел кровью скрепить сообщников. Короленко с высоты прожитых лет оценивал нечаевщину как явление, характерное для нигилистического периода всеобщего разрушения (Короленко, 1985а: 474). Студенческие сходки 1870-х гг. писатель считал несерьёзными, поскольку пение на пирушках «Дубинушки», чтение книжек об анархии, зажигательные речи, как правило, ничем не заканчивались. Получив диплом, выпускники сливались с профессиональной средой (Короленко, 1985а: 478). И хотя «трудно было в 70-е годы найти в России институт или университет, где не бурлила бы общественная жизнь, откуда не уходили бы «в народ» студенты, где не было бы волнений...» (Мионов, 1962: 48), серьёзной угрозы для правительства студенчество не представляло. П. Милюков в своих воспоминаниях семидесятые годы характеризовал как революционные. Студенты в ответ на происходившие события устраивали сходки, которые перерастали в политические митинги. К началу 80-х студенческая масса в целом по отношению к правительству находилась в состоянии оппозиции. Милюков вспоминал, что после мартовской трагедии 1881 г. «правые элементы открыли подписку на венки на могилу Государя. Их было мало, сбор шел вяло». Нашёлся студент, который вместо денег в шапку бросил пуговицу (Милюков, 1990: 121). В результате политики Александра III, повернувшего вправо, студенческие сходки были запрещены. Аналогичный факт реакции студентов Медицинской академии на смерть Александра II

приводит в своих воспоминаниях Кравчинский. На предложение одного из студентов устроить подписку для возложения венка на могилу государя студенты ответили «гробовым молчанием», никто «не дал ему ни копейки» (Степняк-Кравчинский, 1987: 482). Политика власти по отношению к студенческой молодёжи носила пагубный характер, невинные по своей сути протесты приводили к непропорционально жестокой реакции со стороны правительства.

Короленко, как правило, уделял внимание всем общественным событиям, свидетелем которых он являлся. В его книге нашла своё отражение полемика П. Ткачева и П. Лаврова, затронувшая практически все либеральные слои общества. Суть её заключалась в том, что Лавров звал молодёжь «в народ» для пропаганды идей социализма, считая, что для этого необходима серьёзная умственная подготовка; Ткачев же считал это излишним. По его мнению, необходимо было проповедовать немедленное революционное восстание, поскольку только так можно было освободить народ-страдалец. Судьба народа была в центре внимания либеральной интеллигенции, её занимала идея разгадать, в чём заключается его пресловутая мудрость. Хождение в народ Короленко считал логической реализацией этой идеи в жизнь, которую в легальной литературе проводили «Отечественные записки». Руководством к действию явилась программа Лаврова, которую обсуждали студенты в академии и сторонниками которой являлись братья Короленко. Однако будущее им представлялось не совсем ясно, было только понимание необходимости переустройства общества. С этой целью Короленко стал изучать сапожное дело, а брат завёл небольшую слесарную мастерскую. Очень возможно, что через некоторое время они отправились бы «в народ» (Короленко, 1985а: 568). Но, неожиданно для себя, Короленко, выбранный депутатом для передачи начальству коллективного адреса с протестом против ареста студентов, проживавших без прописки, становится «государственным преступником» и подвергается высылке (Короленко, 1985а: 495). Антиправительственные настроения тогда господствовали в обществе, молодёжь только более экспансивно выражала их. Намного позже к Короленко приходит понимание того, что в основе взглядов народников лежало наивное представление о народе, «о его потенциальной, так сказать, мудрости, которая дремлет в его сознании и ждет только окончательной формулы, чтобы проявить себя» (Короленко, 1985а: 483).

В результате ходатайства старшего брата Короленко был возвращён из Вологды и получил возможность отбыть свою ссылку в Кронштадте, где проживали в это время его родственники. Жил он с сестрой на квартире, где их посещали товарищи брата, некоторые из которых примкнули к революционной деятельности и впоследствии попали в Сибирь. Среди них был и С. Дегаев, революционер-террорист, вставший на путь провокации и выдавший своих товарищей, в числе которых была и Вера Фигнер (Короленко, 1985а: 538).

По мнению Короленко, общим результатом движения «хождения в народ» явился «Процесс 193-х», участники которого стали первыми его жертвами. Само «хождение» априори не обладало взрывным потенциалом, поскольку интеллигенция и народ не имели взаимного понимания. Однако правительственный принцип «держат и не пушат» привёл к массовым арестам и содержанию в предварительном заключении по три-четыре года (Короленко, 1985а: 541). По истечении этого срока состоялся суд, по приговору которого многих осуждали на три-четыре месяца. Такое отношение власти к обвиняемым не могло не возмущать общество, в котором процесс только усилил протестное движение. Вокруг участников процесса был создан героический ореол. Настроение общества выразилось при похоронах Некрасова, торжественное погребение которого правительство не могло предотвратить. Особое впечатление на всех произвела речь Ф. Достоевского о значении творческой деятельности поэта (Короленко, 1985а: 545). Факты, приводимые Короленко, находят подтверждение в воспоминаниях Кравчинского, который указывал на то, что прокурор Желеховский в своей обвинительной речи заявил, что наказания заслуживают от силы двадцать человек. Однако предварительное следствие, длившееся четыре года, унесло жизни семидесяти трёх человек, покончивших с собой или сошедших с ума (Степняк-Кравчинский, 1987: 96).

С сочувствием Короленко отнёсся к судьбе В. Засулич, полагая, что вынесенный ей оправдательный приговор произвёл большее впечатление, чем её выстрел в петербургского градоначальника. Оправдание Засулич позволило общественному мнению на время прорвать цензурные препоны, в газетах появился ряд сочувствующих статей (Короленко, 1985а: 555). Не считая Засулич террористкой, ибо руководствовалась она, скорее всего, эмоциональным порывом, Короленко рассматривал случившееся как результат жестоких репрессий со стороны правительства. К террористам он причислял С. Кравчинского, который, призывая к террору, в августе 1887 г. среди белого дня убил шефа жандармов Н. Мезенцова.

Для более эффективной борьбы с революционным движением властью был создан механизм «административного порядка», который Короленко охарактеризовал «законами о беззаконии» (Короленко, 1985а: 569). «Правительство вступало на путь азиатского произвола во всем, что хоть отдаленно касалось политических мотивов» (Короленко, 1985а: 569). Своё мнение он подтверждал приведёнными фактами. Во время его заключения в Литовском замке в камеру был доставлен студент Цыбульский, которого арестовали, когда он гулял около Летнего сада. Поводом для ареста послужил его внешний вид. У студента были длинные волосы, он носил очки и высокие сапоги. Отцу-

помещику, приехавшему вызволять сына, просидевшего два месяца в тюрьме, причины ареста объяснили подозрительным видом сына. Семидесятилетнего старика арестовали за то, что он был знаком с подозреваемым, которым являлся его сын. Старик никак не мог понять причины своего ареста (Короленко, 1985а: 599). Ещё один случай, описанный Короленко, связан с арестом студента консерватории при получении стипендии. На квартире, где это происходило, была организована засада из-за полученной анонимки, и арестовывали всех, кто туда приходил. Арестованный студент заявил, что всегда был на стороне правительства, но после ареста взгляды его изменились: «Пусть установят самые строгие наказания, пусть ссылают на каторгу, пусть в крайнем случае казнят. Но пусть это будет по суду, со всеми законными гарантиями... А так... Нет! Теперь я первый радуюсь, когда в них стреляют, потому что они сами величайшие преступники против всего общества» (Короленко, 1985а: 601). Общую обстановку в стране писатель характеризовал как «оргию доносов, сыска, обысков, арестов и высылки» (Короленко, 1985а: 598), всё население «без различия званий и состояний» попало под подозрение в крамоле и было поставлено вне закона. Правительство не понимало, что репрессиями оно только увеличивало число своих противников. Кравчинский дословно приводит донесение бывшего губернатора Архангельска генерала Баранова: «...административная ссылка по политическим причинам гораздо скорее может испортить и характер, и направление человека, чем поставить его на истинный путь». Далее генерал писал, что ссылка столь губительно действует на осуждённых, что всё чаще встречаются случаи помешательства и попытки самоубийства. Человек, попавший в ссылку по недоразумению или вследствие административной ошибки, становится неблагонадёжным в политическом отношении. «Как бы ссылка административным порядком ни была обставлена с внешней стороны, она всегда вселяет в ссылаемого непреодолимую идею об административном произволе» (Степняк-Кравчинский, 1987: 203). Невозможно заподозрить генерала в сочувствии к революционерам, но даже этот защитник самодержавия понимал пагубность для сохранения режима принимаемых правительством мер, в оценке которых оба современника – и Короленко, и Кравчинский – были едины. Злоупотребления власти в отношении подозреваемых в политической неблагонадёжности Кравчинский подтверждает фактами из биографии Короленко, который подвергся ряду незаконных арестов, в частности за побег из ссылки, которого он никогда не совершал (Степняк-Кравчинский, 1987: 206). Являясь современниками, но не встречаясь лично, Короленко и Кравчинский проявляли интерес к деятельности друг друга и имели схожие точки зрения по многим вопросам общественного развития России, не соглашаясь, однако, в формах и методах преобразования страны. Объясняя обществу войну, государство не понимало, что оно «не может существовать, если умирает общество», «пытаясь заменить собой общество, государство приходит к деспотизму, удушению всех живых сил, а потому и к собственной смерти в параличе или истощении» (Тихомиров, 2008: 114). Это заключение историка Тихомирова полностью совпадало с мнением Короленко.

Судьба предоставила писателю возможность поближе познакомиться с народом. Он иронизировал над тем, что, будучи высланным правительством в глухие Починки, смог осуществить, наконец, своё давнее намерение – узнать народ поближе. Многие в народе его разочаровало. Обескураживало то, что в народном сознании всё ещё жила вера в справедливость царя, от которого скрывает правду начальство. Это наблюдение писателя совпадало с результатами исследования историка Л. Тихомирова, рассматривавшего мировоззрение народа в контексте психологической основы власти и проанализировавшего народные поговорки, общий смысл которых сводился к тому, что «народ знает, что благо народа в руке царицы», что «нельзя царству без царя стоять», что «без Бога свет не стоит, без царя земля не правится» (Тихомиров, 2008: 85). Народ верил, что царь обязательно узнает народную думу. Такое единство с царём внушало народу надежду и уверенность. Б. Миронов в своём исследовании приводит статистические данные, согласно которым в 1870–1880-х гг. в выборах в земства от крестьян, получивших избирательное право, участвовало 48 %, а от землевладельцев – 19 %. Объясняет он эту разницу лояльным отношением крестьян к верховной власти (Миронов, 2014: 407). Однако отдалённость царя от народа постепенно формировала у мужика состояние безысходности, которое прослеживалось в апатии и безразличии к тому, что делается там, наверху. Точно так же, как в 1866 г. выстрел Каракозова в Александра II долетел в отдалённую провинцию глухим отзвуком и воспринялся как некое отвлечённое событие, так и после взрыва Халтурина в Зимнем дворце, по свидетельству Короленко, ямщик, который вёз его из ссылки, говорил об этом весело и безразлично. Однако покушение на царя вызывало у народа недоумение и осуждение. От царя по-прежнему ждали милостей (Короленко, 1985b: 97). По свидетельству писателя, рабочие в столице «кидались на интеллигенцию и вообще на господ. В Тверской губернии толпа крестьян, которые считали, что господа хотят царя извести, гналась за исправником» (Короленко, 1985b: 161). И всё же тупое равнодушие постепенно менялось на интерес к политической жизни. И это внушало Короленко оптимистические надежды на пробуждение народного сознания.

Несмотря на репрессивные меры со стороны правительства, в обществе продолжали жить надежды на перемены в сторону либерализма. Связаны они были прежде всего с назначением М. Т. Лорис-Меликова. Короленко и его соратники были настроены по этому поводу скептически, так как реальная жизнь говорила о другом: расширились штаты жандармов, увеличилось их жалованье.

Короленко утверждал, что если Россия ещё не созрела до народовластия, то до законности она уже созрела. И Лорис-Меликов, опираясь ещё на довольно сильный авторитет царской власти, мог бы поддержать законность, чтобы повернуть к конституционному строю, но он этого не понимал. С одной стороны, диктатор старался смягчить действия администрации, с другой – закреплял произвол (Короленко, 1985b: 144). Свои рассуждения Короленко расценивал лишь как догадки, которые, однако, совпадали с оценкой деятельности Лорис-Меликова профессиональными историками. А. Корнилов в результате проведённых им исследований пришёл к выводу, что Лорис-Меликов в своей политике смог хорошо сочетать борьбу с революционерами с умением привлечь на свою сторону симпатии простых обывателей, охраняя их права от произвола администрации. В опубликованной в феврале 1880 г. прокламации к жителям Петербурга он сообщал, что, искореняя преступность, намерен защищать законные интересы благонадёжных членов общества, и выражал надежду на поддержку с его стороны (Корнилов, 2004: 716).

В июле 1879 г. Короленко был выслан за побег из ссылки в Вятской губернии, которого не совершал. Предварительное заключение он провёл в Вышневолоцкой политической тюрьме. Среди его сокамерников были студенты, гимназисты, служащие, врач, прапорщик, отставной офицер, учитель, целая группа молодых рабочих (Короленко, 1985b: 127). Эти сведения дают возможность составить представление о социальном составе осуждённых по политическим мотивам. Многие сокамерники Короленко, убеждённые в бессмысленности пропаганды, считали террор единственно возможным средством борьбы. Короленко же решительно выступал против террора, считая необходимым повышать общий уровень культуры и политической грамотности. В разговоре с губернатором Перми Енакиевым он так излагает своё отношение к террору: «Я не террорист. Объясняю террор невыносимым правительственным гнетом, подавившим естественное стремление к самостоятельности русского общества» (Короленко, 1985b: 198). Революционер Н. Тютчев, с которым Короленко познакомился в 1882 г. во время ссылки в Амге, в своих воспоминаниях писал, что уже тогда Владимир Галактионович «был противником народовольческой тактики» (Тютчев, 1962: 84). Короленко считал, что путь, которым пошло правительство, является разрушительным, а гибнущие на виселицах – это лучшие люди России, захваченные вихрем терроризма «против собственной природы». Относясь с радикально противоположных позиций к террору, гуманист Короленко и террорист Кравчинский одинаково оценивали роль и значение политссыльных в развитии страны. Ссылаясь на Тихомирова, который на основе сведений, полученных редакцией «Народной воли», приводил сведения о 8157 арестованных по состоянию на начало 1883 г., Кравчинский констатировал, что это происходит «в стране столь бедной интеллигенцией, все, что было в ней самого благородного, великодушного и одаренного, похоронено... с этими восьмью тысячами ссыльными» (Степняк-Кравчинский, 1987: 211). Событие 1 марта 1881 г., потрясшее всю страну, Короленко воспринял как «акт отчаяния» (Короленко, 1985b: 280), «потрясающую трагедию русского строя...» (Короленко, 1985b: 205), которая случилась, по его мнению, в результате эволюции императора из освободителя в испуганного реакционера (Короленко, 1985b: 206). Среди окружения писателя радости убийство царя не вызвало, хотя все признавали, что Александр II проявлял излишнюю жестокость к осуждённым. Давая характеристику императору, Короленко отмечал, что его реформы всколыхнули страну и привели к появлению свежих сил, жаждавших дальнейшего обновления жизни (Короленко, 1985a: 536). Но царь не понял настроения общества, «для этого нужен был более крупный ум и характер, которого у Александра II не было» (Короленко, 1985a: 537).

В результате отказа от присяги новому царю Короленко попал в очередную якутскую ссылку в места столь глухие, что там ещё три недели молились за здоровье Александра II после его убийства (Короленко, 1985b: 368). В Амге писатель прожил три года. Его воспоминания позволяют составить представление о жизни и быте якутов и политических ссыльных, некоторые из которых сумели неплохо адаптироваться к местным условиям. Политический ссыльный Васильев выполнял обязанности писаря, на что местное начальство смотрело спокойно. Он выучил язык, женился и обзавёлся хозяйством. Политические вельи земледельческое хозяйство, помогая якутам овладеть навыками земледелия (Короленко, 1985b: 311). Среди местного населения политические имели большой авторитет. Короленко приводит такой интересный случай: один из жителей посчитал, что политический поступил с ним неправильно, и упрекнул его за это: «А ещё называетесь преступник!..» (Короленко, 1985b: 323). Местные удивлялись тому, что такие хорошие люди попадали в тюрьму.

В статье не представляется возможным проанализировать все контакты Короленко с политссыльными. Но, опираясь на данные, которые он приводит, можно составить представление о социальном составе ссыльных, причинах их высылки, условиях проживания, степени адаптации. В политическую борьбу все больше включались рабочие. Одним из товарищей, с которыми Короленко часто общался, был Павлов – ученик С. Халтурина. Хотя сам Халтурин неоднократно совершал террористические акты, отношение его к террору не было однозначным. По словам Павлова, в изложении Короленко, Халтурин убеждал его не становиться на путь террора, с которого нет возврата (Короленко, 1985b: 337). На третий год пребывания Короленко в Якутской области в соседний наслег привезли первого нечаевца. Он был солдатом из караула, который охранял Нечаева. Караульным было запрещено вступать в контакт с арестантом, но Нечаеву удалось преодолеть этот

запрет и добиться того, чтобы они стали передавать его записки на волю. После провала готовившегося побега весь караул был арестован и выслан в Сибирь. Процесс над нечаевцами, состоявшийся в 1871 г. занимал всю общественность страны, отчёты о нём печатались в газетах. Короленко, высказывая своё мнение о Нечаеве, характеризовал его как циника, обманывающего всех, даже таких видных революционных деятелей, как Бакунин и Огарев (Королев, 1985: 397). Несмотря на то, что фигура Нечаева в глазах современников была окружена своеобразным героическим ореолом, Короленко смог, преодолев сложившиеся стереотипы, разглядеть его истинное лицо. Этот факт свидетельствует об умении автора разбираться в людях, что, в свою очередь, позволяет с доверием относиться к его сведениям. Верность оценки, данной писателем, подтверждается и современными исследователями. Ю. Степанов, занимающийся исследованием жизни Нечаева, пришёл к выводу о мифологизированном характере биографии этого «амбициозного, но ограниченного и неразборчивого в средствах» человека (Степанов, 2022: 121).

В конце своего повествования Короленко, подводя итоги и осознавая трагизм происходящего, он видел его причины в том, что часть интеллигенции проснулась для борьбы, а общество в целом оставалось равнодушным, народ же пребывал в потрясающем политическом невежестве (Короленко, 1985b: 274). Л. Тихомиров по этому же поводу рассуждал об исторической трагедии интеллигенции, заключавшейся в разрыве между внутренней психологией, сформированной вековой историей, и сконструированными книжными идеалами. По его мнению, работа русской интеллигенции «теоретически кажется «освободительной», практически же не освобождает, а только подрывает, разрушает, деморализует народ» (Тихомиров, 2008: 184). Потребность интеллигенции узнать народ, ради которого она жертвует своим благополучием, а порой и самой жизнью, разгадать, что такое «народная мудрость», не давала ей покоя. Размышления Короленко привели его к выводу, что смирение и покорность являются сутью этой народной мудрости, однако он задаётся вопросом: «Народ признает то, против чего возмущается, против чего борется интеллигенция. Где же правда?» (Короленко, 1985b: 369). Свою правду он вывел в формуле борьбы против покорности народа не революционными методами, но с орудием в руках в виде литературы. Н. Тютчев в воспоминаниях свидетельствовал, что Короленко «вполне откровенно заявил себя неревolucionером, ясно определил свою цель быть писателем и бороться с неправдою в пределах легальных возможностей» (Тютчев, 1962: 85).

В 1884 г. начинается обратный путь Короленко, возвращение из ссылки. Он проезжает через Киренск, ссыльное население которого в 1882–1883-х гг. всё более возрастало, «захудалый городишко» Верхолениск, в котором проживала целая колония ссыльных (Короленко, 1985b: 417, 415). Минуя Иркутск, Минусинск, Красноярск, Томск, Казань, Короленко прибыл в Нижний Новгород, где для него начался новый этап жизни, который уже не вошёл в повествовательные рамки его социально-политического автобиографического романа.

5. Заключение

«История моего современника» В. Г. Короленко из ряда мемуаров, воспоминаний выделяется оригинальностью подхода, который автор избрал при освещении им исторических событий. Героем своего повествования Короленко сделал время, показанное через призму личного восприятия. В связи с этим в источнике находят отражение лишь события общественной важности, свидетелем которых был автор, при игнорировании деталей личной жизни. Во вступлении Короленко заявляет о своём стремлении быть максимально правдивым при изложении описываемых им событий. Проведённый сравнительный анализ показал, что наблюдения автора «Истории моего современника» и сделанные на их основе выводы совпадают во многом с оценкой аналогичных явлений или событий, освещённых в воспоминаниях его современников. Не противоречат они и выводам профессиональных историков, что свидетельствует об объективном подходе автора при изложении рассматриваемого материала.

Либеральные, гуманистические взгляды и убеждения Короленко, сформировавшие его жизненную позицию и определившие характер его творчества, складывались под влиянием социальной среды, в которой протекало его детство и юность. Но определяющую роль в становлении мировоззрения будущего писателя, по его собственному признанию, сыграла русская литература. Велика в этом была роль Н. Чернышевского, авторитет которого среди молодёжи был непререкаемым. Написанная в духе либерально-демократических традиций, «История моего современника» представляет собой вполне определённую историческую ценность. Буквально все события общественно-политической жизни России второй половины XIX в. нашли в ней своё отражение. Первые, ещё не вполне осознанные детские впечатления Короленко связаны с отменой крепостного права и польским восстанием. Реформа образовательной системы, проводившаяся графом Толстым и затронувшая все слои общества, обсуждалась и в семье писателя. Нечаевское дело, полемика Лаврова и Ткачева, движение «хождения в народ» и судебное разбирательство над первыми его жертвами («процесс 193-х»), нашумевший процесс над В. Засулич, новый механизм карательной политики властей, именуемый «административной ссылкой», назначение М. Лорис-Меликова, с которым либеральная интеллигенция связывала большие надежды, убийство

Александра II и реакция на это событие различных слоёв населения – все эти значимые события нашли своё отражение в книге. Короленко сам неоднократно подвергался тюремному заключению и высылке, поэтому его сведения о состоянии тюрем, социальном составе политических ссыльных, характере взаимоотношений политических с местным населением, быте и нравах аборигенов имеют также большую историческую ценность. Уделяя большое внимание ответной реакции общества на проводимые правительством преобразования, Короленко анализировал отношение различных социальных слоёв к власти. Он сопоставлял верноподданнические чувства народа и протестные движения студенческой молодёжи, вылившиеся в массовое движение «хождения в народ» и переросшие затем в террор, который сам писатель считал бесполезным, представлявшим угрозу общественному развитию. Страницы, посвящённые личным переживаниям и размышлениям автора о судьбе народа, поискам пресловутой «народной мудрости», отражают умонастроение всей русской интеллигенции XIX в.

«Историю моего современника» принято рассматривать как итог общественной и художественной деятельности писателя. Ход исторических событий подтвердил правильность сделанных им выводов. Реализованное стремление Короленко представить как можно более правдиво и объективно описываемые явления и события, происходившие в России во второй половине XIX в., позволяет отнести его труд к разряду ценных исторических источников.

Литература

- Блохин, 2010 – Блохин В.В. «... Все-таки впереди огни»: реформаторский демократизм В. Г. Короленко // *Вестник РУДН*. 2010. № 4. С. 25-37.
- Болдырева, Астахова, 2016 – Болдырева Е.М., Астахова Е.А. Повествовательная организация автобиографического романа В. Г. Короленко «История моего современника» // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 4. С. 36-43.
- Бялый, 1949 – Бялый Г.А. В.Г. Короленко. М.-Л., 1949. 371 с.
- Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 863 с.
- Короленко, 1957 – В.Г. Короленко о литературе. М., 1957. 716 с.
- Короленко, 1962 – В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. 654 с.
- Короленко, 1982 – Короленко В.Г. Воспоминания о Чернышевском / Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. 590 с. С. 393-413.
- Короленко, 1985a – Короленко В.Г. История моего современника. Т. 1-2. М., 1985. 704 с.
- Короленко, 1985b – Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3-4. М., 1985. 512 с.
- Магомедов, 2011 – Магомедов Р.Р. Политическое развитие России в нач. XX в. в оценке В.Г. Короленко // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3. С. 88-91.
- Миронов, 1962 – Миронов Г.М. Короленко. М., 1962. 368 с.
- Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб., 2015. 912 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- Савельева, 2008 – Савельева Е.С. Психологизм и лирическая экспрессия образов «Истории моего современника» В. Г. Короленко // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2008. № 3. С. 192-195.
- Степанов, 2022 – Степанов Ю.Г. Казус С. Г. Нечаева (комментарий к биографии) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2022. № 3 (78). С. 118-127.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1987. 575 с.
- Тихомиров, 2008 – Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. 640 с.
- Тишевская, 2013 – Тишевская Н.С. «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко: контрапункт национальной и региональной идентичностей // *Филология и человек*. 2013. № 3. С. 53-60.
- Тютчев, 1962 – Тютчев Н.С. Воспоминания о Вл.Г. Короленко / В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 82-89.
- Швецов, 1962 – Швецов С.П. В. Г. Короленко в Вышнем Волочке / В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 42-51.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva A.S. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Pfanenshtil I.A., Kozhevnikov S.V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia // *Bylye Gody*. 2023. 18 (4): 1726-1735.
- Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Zhulaeva A.S., Kozhevnikov S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 716-725.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Akhtamo, E.A. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

References

- Blokhin, 2010** – *Blokhin, V.V.* (2010). «...Vse-taki vpered i ognI»: reformatorskii demokratizm V.G. Korolenko ["... There are lights ahead": V.G. Korolenko's Reformist Democracy]. *Vestnik RUDN*. 4: 25-37. [in Russian]
- Boldyreva, Astakhova, 2016** – *Boldyreva, E.M., Astakhova, E.A.* (2016). Povestvovatel'naya organizatsiya avtobiograficheskogo romana V. G. Korolenko «Istoriya moego sovremennika» [The narrative structure of V. G. Korolenko's autobiographical novel "The Story of My Contemporary"]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 4: 36-43. [in Russian]
- Byalyi, 1949** – *Byalyi, G.A.* (1949). V.G. Korolenko [V.G. Korolenko]. M.-Leningrad. 371 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva, A.S.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V.* (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735.
- Gryaznukhin et al., 2024** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V.* (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 716-725.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Kornilov, 2004** – *Kornilov, A.A.* (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia in the 19th century]. M. 863 p. [in Russian]
- Korolenko, 1957** – V.G. Korolenko o literature [V.G. Korolenko on Literature]. M. 1957. 716 p. [in Russian]
- Korolenko, 1962** – V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov [V.G. Korolenko in the Memoirs of His Contemporaries]. M. 1962. 654 p. [in Russian]
- Korolenko, 1982** – *Korolenko, V.G.* (1982). Vospominaniya o Chernyshevskom [Memories of Chernyshevsky]. N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov. M. 590 p. Pp. 393-413. [in Russian]
- Korolenko, 1985a** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika. T. 1-2 [The story of my contemporary. Vol. 1-2]. M. 704 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985b** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika. Tt. 3-4 [The Story of My Contemporary. Volumes 3-4]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Magomedov, 2011** – *Magomedov, R.R.* (2011). Politicheskoe razvitie Rossii v nach. XX v. v otsenke V.G. Korolenko [The political development of Russia in the early XX century in the estimation of V.G. Korolenko]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 13(3): 88-91. [in Russian]
- Mironov, 1962** – *Mironov, G.M.* (1962). Korolenko [Korolenko]. M. 368 p. [in Russian]
- Mironov, 2014** – *Mironov, B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 t. T. 2 [The Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 volumes. Vol. 2]. SPb. 912 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – *Panteleev, L.F.* (1958). Vospominaniya [Memories]. M. 848 p. [in Russian]
- Savel'eva, 2008** – *Savel'eva, E. S.* (2008). Psikhologizm i liricheskaya ehkspressiya obrazov «Istorii moego sovremennika» V. G. Korolenko [The psychologism and lyrical expression of the characters in V.G. Korolenko's "The Story of My Contemporary"]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 3: 192-195. [in Russian]
- Shevtsov, 1962** – *Shevtsov, S.P.* (1962). V.G. Korolenko v Vyshnem Volochke [V.G. Korolenko in Vyshny Volochok]. V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov. M. Pp. 42-51. [in Russian]
- Stepanov, 2022** – *Stepanov, Yu.G.* (2022). Kazus S.G. Nechaeva (komentarii k biografii) [The case of S.G. Nechaev (commentary on his biography)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(78): 118-127. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987** – *Stepnyak-Kravchinskii, S.M.* (1987). Sochineniya V 2 t. T. 1. [Works in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 2008** – *Tikhomirov, L.A.* (2008). Rukovodyashchie idei russkoi zhizni [Guiding ideas of Russian life]. M. 640 p. [in Russian]
- Tishevskaya, 2013** – *Tishevskaya, N.S.* (2013). «Sibirskie rasskazy i ocherki» V. G. Korolenko: kontrapunkt natsional'noi i regional'noi identichnostei ["Siberian stories and essays" by V. G. Korolenko: a counterpoint of national and regional identities]. *Filologiya i chelovek*. 3: 53-60. [in Russian]
- Tyutchev, 1962** – *Tyutchev, N.S.* (1962). Vospominaniya o V.G. Korolenko [Memories of V.G. Korolenko]. V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov. M. Pp. 82-89. [in Russian]

«История моего современника» В. Г. Короленко как исторический источник в контексте исследования общественно-политической истории России второй половины XIX в.

Татьяна Владимировна Грязнухина ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^а · *

^а Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведён анализ книги В.Г. Короленко «История моего современника» в качестве исторического источника. Установлено, что наблюдения Короленко за общественно-политическими явлениями и событиями в России во второй половине XIX в., сделанные на их основе выводы, во многом совпадают с их оценкой современниками и взглядами на них профессиональных историков. Верификация фактов и сведений социально-политической автобиографии Короленко с помощью документальной и аналитической литературы позволяет утверждать об объективном характере изложенного автором материала и возможности его использования в качестве исторического источника. Оригинальность подхода автора воспоминаний выразилась в конструировании пространственно-временного континуума через призму личного восприятия. Проанализированы факторы формирования мировоззрения будущего писателя, генезис его оппозиционной модальности. Рассмотрено отношение писателя к значимым для истории России событиям и явлениям. В своём труде он касается таких социально-политических явлений, как отмена крепостного права, польское восстание, реформа образования, движение «хождение в народ», убийство Александра II. Важным компонентом воспоминаний является эмпирический материал о русских революционерах, знаменитых судебных процессах над ними, а также аналитические выводы автора о формировании террористической направленности революционной деятельности вследствие непропорциональной карательной политики государственной власти. Особую ценность для исследователей представляют сведения Короленко как очевидца о политической ссылке, её социальном составе, быте и образе жизни местного населения, характере взаимоотношений аборигенов с политическими ссылными. Умонастроения интеллигенции и её взаимоотношения с народом также нашли своё отражение в воспоминаниях Короленко. Круг освещённых вопросов, их широта и объективный характер повествования позволяют рассматривать воспоминания Короленко в качестве ценного исторического источника.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, Россия, интеллигенция, ссылка, народники, народ, мемуары, исторический источник.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)